

УДК [930(73):321.64]"197"

Е.В. Мороз

АМЕРИКАНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ТОТАЛИТАРИЗМА 1970-х ГОДОВ

Тоталитаризм стал неотъемлемой частью общественно-политической истории XX века. Более того, тоталитаризм – рассматривать ли его с политической, философской или социологической точек зрения – является продуктом европейской цивилизации, как институт демократии, политические партии, университеты, европейская культура...

И хотя тоталитаризм называют часто феноменом XX века, он успешно перешагнул рубеж XXI столетия. Потрясения и изменения начала XXI века – международный терроризм, возросшая политическая активность исламского фундаментализма, процесс глобализации и цивилизационного противостояния Запада и Востока – являются проявлениями тоталитаризма или тоталитарного образа мысли.

Историография тоталитаризма, появившаяся вслед за возникновением этого явления и существующая уже несколько десятилетий, была создана для изучения этого феномена, его истоков, основных черт, влияния на исторический процесс.

За это время написаны сотни статей и книг историками и политологами, философами и экономистами, писателями и социологами. Огромный массив научной и публицистической литературы по тоталитаризму можно условно подразделить на две части. Первая – разъясняет, что такое тоталитаризм. Вторая – принимает феномен как данность и описывает его различные аспекты, те или иные модификации в разных странах, в различных временных периодах прошлого столетия.

Историография тоталитаризма интернациональна. Но наибольший вклад внесли в ее создание и развитие американские исследователи: Ф.Нойманн и З.Нойманн, Х.Арендт и К.Фридрих, Ф. Хайек и Г. Маркузе и др. Основным центром изучения тоталитаризма, начиная с 30-х годов, были США. В этой стране были заложены основы антитоталитарной историографии.

Историография является той частью исторического познания, в которой история наиболее тесно связана с общественной мыслью, включающей философские, политические, экономические идеи, характерные для определенного времени. Особенно ярко в общем социокультурном контексте развития XX века это проявилось в процессе генезиса историографии тоталитаризма.

Американская историография тоталитаризма пережила значительную эволюцию в своем развитии. На каждом новом этапе совершенствовались методы исследования, появлялись новые источники, усложнялась сама модель тоталитарного господства, более четко выделялись черты, присущие

только этой модели политического устройства. В ходе этого процесса сама концепция тоталитаризма стала предметом критического анализа, который начинается с ее политических предпосылок и идеологического влияния. Этот процесс необходимо рассматривать в связи с историческим развитием фашизма и коммунизма, а также с развитием политической оценки фашизма и коммунизма, которая образует для них фон.

В Соединенных Штатах в 70-80-е годы существовало консервативное движение, направленное против новых левых и даже либеральных идей. Это повлекло за собой раскол американского интеллектуального сообщества [1]. Неоконсерватизм был реакцией против революционного романтизма 60-х годов и политики разрядки 70-х годов. Неоконсерватизм был поддержан влиятельными силами среди республиканцев и демократов.

Многие из лидеров этого новых движений были молоды во время расцвета холодной войны и видели, как с тех пор снижалась враждебность к советскому коммунизму в американском правительстве и академическом сообществе. Прежние радикалы и либералы сдвинулись вправо в политическом спектре и в 70-80-е годы стали неоконсерваторами, хотя не все из них принимали данный термин [2].

Главным образом, именно они возродили термин тоталитаризм в политических дискуссиях в 1970-е годы. Неоконсерваторы с симпатией отнеслись к интеллектуалам - диссидентам из СССР и стран Восточной Европы – А. Солженицыну, В. Гавелу и др. и имели связи с антикоммунистами Западной Европы, в частности, К. Брахером, Р. Ароном, Дж. Талмоном.

Неоконсерваторы начинают снова размышлять о происхождении тоталитаризма.

И. Кристал, писавший для «Нью Лидер» («New Leader») в конце Второй мировой войны, вновь становится одной из центральных фигур дискуссии о тоталитаризме. Его энергия и эффективность как антикоммунистического журналиста были очевидны в его глубокой причастности к таким либеральным журналам как «Комментарий» («Commentary»), «Репортер» («Reporter»).

В сборнике статей, изданном в годы первой администрации Р. Рейгана, Кристал произвел типологию, еще более грандиозную, чем сделал Дж. Талмон. Он стремился объяснить различие между англо-американским прагматическим либерализмом и континентальной тенденцией к фанатической враждебности к миру.

Одним полюсом его сравнения стало «французское континентальное Просвещение» и фран-

цузская революция, идеологи которой обещали человечеству «не только свободу, равенство и братство», но и «счастье непосредственно». «Микробы тоталитаризма XX столетия были активизированы этим грандиозным, действительно утопическим, обязательством». Англо-шотландское Просвещение, в отличие от французского, произвело А. Смита, Э. Берка, и (в Соединенных Штатах) Дж. Мэдисона, который принял «личный интерес как стимул к экономической и политической деятельности» и пробовал направить это «в дисциплинарный контекст «рынка» товаров и в изображение идей, известных как представительное правление» [2, р.Х-ХI,139-147].

Диагноз Кристола заключался в том, что американский либерализм в течение и после 1960-х годов попал под влияние коварной французской континентальной традиции, - марксизма и романтических левых взглядов. Кристол соединил свое представление о французской революции с позитивным отношением к капитализму, которое было заимствовано у Ф. Хайека. Его нападение на «новый класс» - склонной к утопизму интеллигенции, впоследствии стало основным элементом неоконсервативного комментария [3].

Американская историография тоталитаризма в 1970-е годы продолжает традиции, заложенные в американской историографии 1940-1950-х годов, когда была создана тоталитарная модель.

В 70-е годы книга М. Кертиса «Тоталитаризм» [4] явилась обобщением основных позиций американской историографии тоталитаризма. Структура и содержание работы построены по аналогии с книгой К. Фридриха и З. Бжезинского «Тоталитарная диктатура и автократия»: главы посвящены определенным структурным признакам тоталитаризма.

Тоталитаризм Кертисом рассматривается как политическая система с определенным набором признаков. Концепция используется для анализа трех режимов – нацистская Германия, фашистская Италия и Советский Союз, по крайней мере, до смерти Сталина. Кертис принимает эту модель, созданную в 40-50-е годы в американской историографии.

Под тоталитарными системами Кертис понимает «сильную и произвольную власть, покорение всех классов доминирующей политической группой, она характеризуется уничтожением «врагов» системы и их идеологии» [4, р.4].

Данное определение не раскрывает сущности системы и отличия тоталитарной от других политических систем, все вышеуказанные признаки присущи другим диктаторским и авторитарным режимам.

Для анализа тоталитаризма исследователь предложил свой набор отличительных признаков этого феномена:

1) официальная и исключительная идеология, которой общество должно быть предано и которая будет основанием для нового типа социального и политического порядка и для нового типа человека;

2) монополистический контроль не только политического, экономического, социального, культурного поведения, но также и частной жизни и мысли;

3) использование террора, концентрационных лагерей и политической полицейской силы для постоянной угрозы индивидууму;

4) иерархически организованная однопартийная система;

5) подчинение частных интересов общественным;

6) централизация власти;

7) отсутствие законных пределов власти;

8) монополистический контроль средств информации, образовательного и культурного процесса с целью мобилизации общества;

9) отсутствие значимых свободных выборов;

10) монополистический контроль над оружием и силой;

11) отсутствие свободы передвижения граждан;

12) централизованная плановая экономика;

13) персональная диктатура может быть ключевым фактором в характере режима [4, р.7-9].

Все вышеперечисленные признаки не являются оригинальными. Кертис фактически только более подробно изложил шесть признаков «тоталитарного синдрома» К. Фридриха и З. Бжезинского.

Определенным шагом вперед, сделанным Кертисом, по сравнению с работами 50-х годов, является критический подход к модели и понимание проблем, которые возникают при ее применении. Кертис выделяет следующие:

1) можно ли использовать модель к постсталинскому Советскому Союзу, применимы ли характеристики советского тоталитаризма;

2) могут ли другие политические системы оцениваться и сравниваться как подобные трем тоталитарным режимам и, соответственно, называться тоталитарными.

Содержание книги, в целом, мало отличается оригинальностью и авторской новизной. Так, интеллектуальные причины тоталитаризма Кертис, вслед за К. Поппером, видит в философии Платона, идеях Великой французской революции. Глава книги «Полный контроль» навеяна идеями Х. Арендт, изложенными в «Истоках тоталитаризма» [5].

Вслед за Арендт, Фридрихом, Фейнсоном Кертис называет дифференцирующим признаком тоталитаризма от других политических систем чрезвычайное использование террора. Анализ советского тоталитаризма основан на работах Р. Медведева и А. Солженицына. Американский исследователь придерживается концепции Р. Медведева о разграничении сталинизма и ленинизма, сталинизм – полное извращение идей Ленина. При этом Кертис замечает, что «Ленин был нетерпимым и иногда безжалостным и зверским, но испытывал недостаток садизма, мстительности и паранойи Сталина» [4, р.16].

В сравнении с классическими исследованиями тоталитаризма, отождествляющими сталинский и гитлеровский режимы, Кертис в своей работе пишет

об отличиях этих вариантов тоталитаризма. Исследователь указывает не только на общепринятый в американской историографии признак - отношение к частной собственности, но и выделяет следующие различия: различные политические культуры; в этих режимах имелось большое несоответствие между идеологией и практикой; для коммунизма и нацизма, основанного на принципе лидерства, имелась свойственная логика в диктатуре фюрера, но ни марксистская теория, ни ленинская концепция партии не может удовлетворенно найти оправдание культа личности в коммунистических системах.

Кертис отмечает различия в процессах мобилизации. Нацистский режим, как он считает, - это сложная централизованная система, которая имела тенденцию концентрироваться на средствах массовой информации и требовала высокого качества пропаганды для массовых действий. Советский Союз, находясь на более низком индустриальном и культурном уровне, подчеркивает Кертис, основное внимание уделял агитации на персональном уровне. Трудно согласиться с такой оценкой культурного уровня Советского Союза. Кертис явно недооценил пропагандистскую машину в СССР, которая использовала все современные достижения в виде радио, кино, телевидения.

Давая оценку советскому режиму постсталинского периода, Кертис подчеркивает, что, несмотря на отсутствие открытого террора, режим мало чем отличается от сталинского периода. Сам Кертис не дает оценку постсталинского периода, не называя его ни тоталитарным, ни авторитарным. Это, конечно, уменьшает исследовательский характер монографии. Не может Кертис согласиться с теми американскими исследователями, которые считают, что индустриальный и технологический прогресс в США и СССР может вести к схожим социальным системам.

В целом, книга Кертиса - пример традиционного понимания тоталитаризма как политической системы с набором признаков, применяемых для сравнения сталинского и гитлеровского режимов. Книга реанимировала подобное понимание тоталитаризма в контексте процессов внутренней и внешней политики США 70-х годов.

Наряду с традиционным подходом к проблеме тоталитаризма, в американской историографии в 70-е годы появляется новое направление в изучении данного феномена.

Под воздействием критики теории тоталитаризма, развернувшейся в американской историографии в предыдущее десятилетие, в 1970-е годы создается модернизированная концепция этого феномена. Она используется, в основном, при изучении фашизма. Основу модернизированной концепции составляет аргумент о «революционности» фашизма, базирующийся на антитезе «движение - режим». Фашистское движение является по своей сути революционным, отрицательно относится к верхам или капитализму.

Модернизированная концепция тоталитаризма была сформулирована в статье Х.Тернера, профессора истории Йельского университета, названная им «Фашизм и модернизация» [6].

Тернер не отказывается от традиционной концепции тоталитаризма, разработанной в 50-е годы для объяснения политического экстремизма. Но, как считает историк, она препятствовала выделению фашизма как отличительного феномена правового характера. Тем более Тернер категорически не согласен с марксистской интерпретацией фашизма как «агента привилегированных реакционных сил» [6, p.549].

Автор рассматривает отдельно фашистское движение и фашистский режим. Он акцентирует внимание именно на движении, стараясь доказать, что оно представляет собой революцию против современного индустриального мира [6, p.564].

Неоднозначной, на наш взгляд, является точка зрения Тернера, что фашистские движения имели определенный мистический характер. Скорее всего, такая интерпретация объясняется тем, что для ученого фашизм остался загадочным феноменом XX века.

Статья Тернера еще раз убеждает, что тоталитаризм стал как бы «фоном» в изучении фашистских, коммунистических режимов. На первое место выступают сами феномены фашизма и коммунизма. Если в 40-е -50-е годы американские исследователи искали общее в этих явлениях, то в 70-е -80-е годы - стали больше обращать внимания на их различия.

Модернизированную концепцию тоталитаризма поддерживает известный американский историк, специалист по изучению фашизма Дж. Грегор. Глава в монографии «Идеология фашизма. Рациональность тоталитаризма» [7], посвященная тоталитаризму, называется «Эпоха тоталитаризма», что подчеркивает значимость для автора этого явления. Как и Тернер, Грегор отделяет движение от режима, основное внимание уделяя тоталитарной идеологии.

Историк полностью разделяет концепцию право-левого тоталитаризма, разработанную после войны в США. На этом он строит свое исследование идеологической традиции тоталитаризма. Если фашистский и коммунистический режимы схожи, то они имеют общие идеологические корни, которые Грегор находит в марксистской идеологии [7, p.333].

Д.Грегор подробно показывает характерные для тоталитарной идеологии истоки в марксизме. Он считает, что тоталитарная этика основана на марксистском тезисе: «Интересы общества превыше интересов личности» [7, p.340]. История советского, национал-социалистического режимов подтверждает это положение. Все интересы индивида подчинялись интересам государства на построение «светлого будущего» или «Великой Германии». Личность исчезала, вместо нее появ-

лялись «винтики» огромной государственной машины.

Логичное продолжение марксизм нашел в ленинской идеологии, как официальной доктрине советского тоталитаризма. Для Грегора фашистская и ленинская идеологии являются тоталитарными. Их объединяет концепция государства. Суть концепции заключается в том, что через государство осуществляется экстенсивное принуждение и контроль над населением [7, p.357]. С этой точкой зрения невозможно согласиться. На наш взгляд, концепция государства в фашистской и марксистско-ленинской интерпретации имеет отличия. Для большевиков конечной целью является отмирание государства, по крайней мере, на словах. Фашисты же об этом никогда не говорили. Наоборот, их идеал - прусское государство. Общим же стало то, что в обоих разновидностях тоталитаризма государство стало органом насилия и контроля над населением.

Грегор считает, что тоталитарные режимы устанавливаются в тех странах, где существуют массовые революционные движения. Массы объединяются под влиянием идеологии, во главе движения становится иерархически организованная партия во главе с вождем (фюрером). Дж. Грегор показывает интеллектуальную близость между марксизмом и фашизмом. Используя новый подход, Грегор доказывает, что кризис в марксизме (особенно дилеммы о природе революционного сознания пролетариата) проложил путь к парадигматическому фашизму.

Историк не показывает, как массовые тоталитарные движения, приходя к власти, превращаются в режимы партийно-бюрократической номенклатуры. Не прослеживается в работе эволюция тоталитарного режима от опирающегося на массы до подавляющего их.

Для автора тоталитаризм не является вообще чем-то отличительным, это всего лишь «форма авторитаризма, развивающаяся в эпоху национализма и быстрого индустриального развития» [7, p.371]. Грегор противоречит сам себе, после этого тезиса он подробно останавливается на специфических признаках тоталитаризма, делающих его неповторимым политическим режимом.

Под тоталитаризмом Дж. Грегор понимает полную идентификацию индивидуума с обществом. Такое понимание не привносит в историографию тоталитаризма ничего нового. Концепция Грегора имеет внутреннее противоречие: с одной стороны, тоталитаризм – это вневременное явление, но идеологические истоки этого феномена историк видит только в классическом марксизме XIX века. Грегор дает следующее определение тоталитаризма – «это общество, которое характеризуется массовой поддержкой, правлением единственной партии, иерархически организованной во главе с харизматическим лидером; в этом обществе существует государственная монополия связи,

принуждения и экономического контроля» [7, p.361]. Данное определение повторяет модель тоталитарного господства, сформировавшуюся в 40-е -50-е годы в американской историографии.

Он выделяет следующие признаки: размытая социально-классовая структура общества, идеологическое однообразие, тоталитарный контроль населения, эффективная политическая пропаганда [7, p.375-377]. Новым в концепции Дж. Грегора является акцентирование внимания на этапе массовых тоталитарных движений. Он выделяет их из остальных массовых движений. Их отличительной особенностью является двойственная направленность: тоталитарная и революционная. Тоталитарные движения имеют организацию. Их радикализм особенно проявляется после захвата власти.

Грегор дает совершенно новую классификацию массовых революционных движений – режимов:

- 1) тоталитарные революционные массовые движения-режимы;
- 2) революционные режимы с массовым движением, которые не имеют тоталитарных стремлений [7, p.371].

Грегор не отождествляет тоталитарные режимы с революционными режимами в Азии и Африке. Грегор отделяет режимы от движений, показывая этим эволюционный характер тоталитаризма. Подробное разделение обусловлено необходимостью отделить классические тоталитарные режимы от схожих диктатур в Азии и Африке.

Новым у Грегора, по сравнению с предыдущей историографией, является выделение нового вида революционного массового движения – африканский социализм, имеющий все черты фашизма. Общее между тоталитаризмом и африканским социализмом Грегор видит в том, что эти явления основаны на революционном массовом движении. Думается, что распространение тоталитарных тенденций на страны «третьего мира» обусловлено ситуацией 60-х годов прошлого века, разрушением колониальной системы и тем, что новые суверенные государства искали пути развития в эпоху «холодной войны», попадая под влияние США или СССР.

Концепции Дж. Грегора и Х. Тернера составляют основу модернизированной концепции тоталитаризма. Формирование ее, на наш взгляд, было обусловлено происшедшими изменениями в СССР, на Западе и в странах «третьего мира».

Проблематика этой теоретически модифицированной концепции тоталитаризма состоит не только в том, что она, идентифицируясь в дальнейшем, все же используется для фашизма, а в том, что она вследствие этого расширения лишилась своего однозначного разграничения по отношению к традиционному типу власти автократии.

Модернизированная концепция тоталитаризма утверждает в дальнейшем историческую неповторимость и существенную идентичность фашистской

и коммунистической власти как способов проявления тоталитарной власти и остается в дальнейшем в традиционных научно-политических рамках отношений исследования тоталитаризма, а именно противопоставления либерально-демократической и антидемократической систем власти.

Таким образом, 1970-е годы явились важнейшим периодом в процессе генезиса американской историографии тоталитаризма. В эти годы, не-

смотря на критику тоталитаризма в предыдущее десятилетие, поиск оптимальной тоталитарной модели продолжался. В 70-е годы выявилось два основных подхода к проблеме тоталитаризма. Представители первого направления (М. Кертис и др.) за основу изучения тоталитаризма взяли «тоталитарный синдром» К. Фридриха и З. Бжезинского. Представители второго – разработали модернизированную концепцию тоталитаризма (Дж. Грегор, Х. Тернер и др.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Himmelstein J.* To the Right: The Transformation of American Conservatism. – Berkeley: University of California Press, 1990. P. 1-62.
2. *Kristol I.* Reflections of a Neoconservative. – New York: Basic Books, 1983. P. 74.
3. *Djilas M.* The New Class. – New York: Praeger, 1957.
4. *Curtis M.* Totalitarianism. – New Brunswick, New Jersey, 1979.
5. *Arendt H.* The Origins of Totalitarianism. – New York, Toronto, 1951.
6. *Turner H.* Fascism and Modernization. // *World Politics.* 1972. V.24. № 4. P. 547. – 564.
7. *Gregor A. J.* The Ideology of Fascism. The Rational of Totalitarianism. – New York: The Free Press, 1969.

□ Автор статьи:

Мороз
Елена Владимировна
- канд.ист.наук, доц. каф. новой,
новейшей истории и международных
отношений КемГУ